

ТРЕХЛЕТНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЕВРОПЕ И АЗИИ ДЛЯ ЗАПИСИ ПЛАСТИНОК

Много интересных событий и впечатлений, изложенных в величайшей из когда-либо совершенных экспедиций по записи - неизвестные доселе восточные артисты, представленные людям мира.

Автор: Т. Дж. ТЕОБАЛЬД НОБЛ, выдающийся европейский звукоорежиссер говорящих машин.

После записи в Индии я вернулся в Париж, где записал несколько французских исполнителей, а затем отправился в Лондон, чтобы насладиться коротким отпуском. После этого я отправился в Берлин, где после продолжительной записи отправился в Москву и Россию, чтобы записываться в течение всего зимнего сезона.

Французские и немецкие артисты уже слишком хорошо известны, чтобы нуждаться в излишних комментариях, которые я могу добавить. Тем не менее, было очень...

Фото 1. - Т. Дж. Нобл и его оборудование.

отсутствие действительно хороших (то есть с точки зрения звукозаписи) военных (немецких) оркестров. Оркестры неизменно прекрасно исполняют знаменитые немецкие марши и народные песни, но крайне неудачно исполняют произведения известных композиторов. Даже в маршах наблюдается преобладание пек-рогов, что непонятно ценителям баланса в музыке. Досадно отсутствие того пикантного, искрометного темпа, который так нравится во французских оркестрах.

С другой стороны, французским оркестрам не хватает глубины и силы Колдстримской гвардии и оркестра Союзы. Думаю, однако, нет ни малейших сомнений в том, что русские военные оркестры - худшие в Европе, а лучшие - британские.

Во Франции и Германии артисты все заинтересованы в записи для говорящей машины, но с двух совершенно противоположных позиций; большинство заинтересовано в денежной, меньшинство - с репутацион-

ной точки зрения.

В обеих странах плачевно отсутствует действительно хороший хор, как в России (всегда помните, что я говорю с точки зрения говорящей машины).

В России большинство поет с критикой и энтузиазмом для говорящего ради своей репутации, и лишь незначительное меньшинство - только ради денег.

В следующих строках я попытаюсь обрисовать, где я нашел наибольший интерес в трехлетних странствиях, которые я только что закончил, с краткой критикой артистов с точки зрения говорящего человека. Критиковать и определенно утверждать, в какой стране лучшие художники и певцы, - дело настолько противоречивое и спорное, да еще и с противоречивыми различиями в идиоме, преподавании, вкусе и цвете, что пытаться это сделать было бы нецелесообразно. Я могу сказать, что «Россия обладает лучшими голосами в Европе», а основанием для такого прагматичного заявления может быть как раз то, что другой критик считает самым неприятным и унижительным в голосе. В качестве примера можно привести «темперамент». В Англии темперамент рассматривается как жеманство и, соответственно, не нравится. В то время как темперамент и жеманство так же широко противоположны, как естественность и показное поведение.

Я могу сказать: «В России все поют». На это я, конечно, отвечаю: «И в Италии то же самое». В Италии, однако, люди поют и свистят точно так же, как жители Англии и Америки поют и свистят популярные песни или регтаймы, с бывшим... что средний итальянец обладает лучшим вкусом и насвистывает оперные номера с такой же легкостью, с какой его англоязычные собратья насвистывают «Everybody’s Doing It».

В России поют крестьяне, которые никогда не выезжали за пределы своих жалких деревянных деревушек. Я помню, как в Венеции маленький итальянский мальчик насвистывал «Qusta O Quella», но потом я также слышал, как два крестьянина в Западной Сибири напевали песни, которые сочинил один из них. Наверняка найдутся тысячи людей, которые слышали подобное во Франции, Германии и других странах, поэтому я не буду пы-

таться классифицировать в соответствующем порядке то, что я считаю «лидером художественных способностей и компетентности», а просто заявлю, что, согласно моему опыту и фонографическому общению с 12 000 человек, русские артисты безусловно и безоговорочно делают самые лучшие записи, как с технической, так и с художественной точки зрения.

Я нашел русских людей самыми музыкальными - то есть музыкальными от природы, без обучения или слуха других.

Средние русские люди более или менее образованного класса неизменно знакомы с произведениями всех знаменитых композиторов. Они сыграют или расскажут вам об итальянских, польских, русских, немецких, норвежских и других композиторах. Более того, они узнают кое-что о жизни каждого из композиторов и таким образом могут, в соответствии с собственным сердцем, поставить акцент или идиому в каждого композитора таким образом, что средний англоговорящий человек будет поражен.

Фото 2.- Czart Trio - инструмент с длинными нотами. Имеет только одну ноту, звучит как фырканье быка.

Средний европеец или американец, надо признать, сыграет некоторые произведения известных композиторов, но сможет ли он рассказать вам что-нибудь о жизни даже своего любимца; я имею в виду среднего любителя, а не воспитанного гения или псевдо гения. Эта любовь к музыке - одна из главных причин того огромного бизнеса, который ведется в настоящее время в России на разговорных машинах и который, кроме того, растет с каждым днем.

Из английских, французских, польских, итальянских, испанских и других языков и исполнителей мне легче всего было записать итальянский, затем французский и испанский, и, наконец, народ из прибалтийских губерний, асениш?(эстонский) и литтоиш?(литовский). Их записи можно сравнить с чередой приступов удушья и задыхания. Нет, я нашел только одну страну, чьи артисты достойны упоминания больше, чем артисты других национальностей, и это русские.

Вернемся к моей экскурсии. По возвращении в Москву я нашел вре-

мя подсчитать свой тур и количество языков и стран, через которые я проехал для говоруна. За три года турне я посетил следующие страны: Англия -земля, Бельгия, Франция, Германия, Польша, Финляндия, Россия (все части), Богемия, Австрия, Венгрия, Италия, Кавказ, Туркестан, Персия, Китайский Туркестан и Индия. Расстояние, включая все переходы, составляет 46 000 миль, только по суше.

Фото 3.- Н. Боуз, Калькутта, первый индийский мастер говорящих машин.

Записал артистов следующих национальностей: Адейбидешанский, Афганский, Американский, Армянский, Арабский, Асенишский, Австрийский, Аварский, Британский (включая все колонии), Бельгийский, Бенгальский, Богемский, Бочкарский, Болгарский, Кабардинский, Канаресский, Чукус, Чарт, Дервиш, Голландский, Финский, Французский, Немецкий, Греческий, Грузинский, Горишский, Хиндустани, Ингушский, Итальянский, Калдинский, Кивенц, Коомики, Координский, Лесгин, Леттоиш, Махратта, Осетинский, Польский, Персидский, Персидско-татарский, Русский, Малороссийский, Шведский, Испанский, Сванецкий, Санскрит, Турецкий, Туркоманский, Текинц, Чечнский, Тамул, Телегу, Идиш. В общем, около пятидесяти трех различных языков, за редким исключением, например, английского и американского, но в этом случае я считаю артиста.

Прежде чем говорить о финансовой стороне вопроса о гонорах артистов в Европе, я расскажу об одном или двух интересных случаях, с которыми мне пришлось столкнуться во время моего первого турне по Туркестану и Кавказу.

Артисты Кавказа происходят из горных племен, которые разбросаны в самом недоуменном хаосе для тех, кто не привык лазить по горам в их поисках, так как именно это я был вынужден сделать, чтобы найти хоть одного артиста.

Я был вынужден много часов ехать на лошади, преодолевая сложные извилистые тропы и терпя всевозможные (для рекордера) лишения.

Именно во время одной из таких поездок (всего я совершил четыре) со мной случилось первое приключение.

Я только что закончил отбор восьми человек из нескольких групп ингушей и начал шестичасовой обратный спуск. (Восхождение заняло восемь часов. Я покинул Владикавказ в шесть утра и должен был вернуться туда в десять вечера того же дня).

Фото 4. - Главная жилиая улица в Бухаре.

Это было особенно опасно и сопряжено с возможностью задержки. Я был проинформирован (В знойную июньскую жару на Кавказе даже револьвер тяжеловат), спрятал деньги и револьвер под седло. Меня сопровождал переводчик. Проехав всего час, мы были задержаны группой чиченков, которые ограбили США. Не имея при себе практически никаких денег, они пришли в ярость и, казалось, сомневались, следует ли сбросить меня в пропасть, находящуюся на 3 000 футов ниже, или схватить и потребовать выкуп. Они, к счастью, отошли в сторону, чтобы посоветоваться с переводчиком, а я, воспользовавшись случаем, достал ружье и, выстрелив в гущу колючек (выстрел был тухлый, но ничего не произошло), сел на лошадь, намереваясь проскакать мимо них, но они уже отступили, и в этот момент мои руки были заняты моей лошадью, которая начала пронзительно ржать и медленно отступала к краю обрыва. Я сделал все возможное, чтобы удержать ее, но безуспешно, и вовремя успел сбросить себя, когда она полетела вниз, чтобы разрушиться на 3 000 футов ниже. Я потерял лошадь, 2 000 рублей денег и записную книжку.

Оглядевшись в поисках нашего друга, враг, испарился, как и переводчик, я переночевал в эту ночь в горах и утром продолжил путь. После пятичасового блуждания я почувствовал сильную усталость и, к счастью, встретил кочегара, который по знакам 1 понял, что я хочу немного поесть. Он дал мне немного армянского хлеба и несколько трав, и это была моя первая пища за двадцать четыре часа пути. Через час пути я встретил отряд казаков в сопровождении моего переводчика, который, увидев меня, заплакал от радости, так как сказал мне, что, когда лошадь упала, он подумал, что я тоже уехал. Теперь он возвращался с казаками, чтобы наказать чеченцев. (Что они и сделали, впаяв все ножи в

ножны, конфисковав все огнестрельное оружие и потребовав 500 рублей за ущерб). Через два дня я получил обратно свои 2 000 рублей, которые нашел полицейский сыск. В последующие приезды меня всегда сопровождали два казака-охранника.

В горах Кавказа говоруна можно услышать в каждом из многочисленных аулов; пластинки проигрываются беспрестанно и потому скоро изнашиваются, что не особенно радует других, кроме самих казаков, которые никогда не купят другой пластинки того же названия, пока одна не будет разбита. Но даже тогда они сохраняют их и в некоторых случаях украшают ими свои хаты. На Кавказе ведется довольно большой бизнес; население составляет семь миллионов человек, не считая трех миллионов русских. Разговорный аппарат - единственное средство развлечения, и поэтому он пользуется спросом. Мое следующее небольшое приключение в этом туре было через Каспийское море. В этом случае мой аппарат предназначался для записи на очень большие цилиндры. (Цилиндры затем дублируются на восковой диск и изготавливаются обычным способом).

В Баку весь мой личный багаж тщательно досмотрели и потребовали разрешение и фотографию на ношение оружия. На борту судна находилась рота русских солдат с примкнутыми штыками (всего девять пассажиров - четыре военных, два русских купца, немец, я и переводчик), что заставило пассажиров (кроме нерусских офицеров) чувствовать себя беспокойно. Оказалось, что по Каспийскому морю из Баку в Туркестан было доставлено значительное количество боеприпасов, но почему они сочли нужным прикрепить штыки, до сих пор остается для меня загадкой. Сразу за жалким грязным городком Красноводском на борт поднялись таможенные и полицейские чиновники, чтобы осмотреть весь тяжелый багаж. Все шло хорошо, пока я не попытался объяснить, что записывающее устройство не нужно открывать. Мне удалось лишь усугубить их (и без того очевидные) подозрения относительно моего объяснения «цилиндра», и они приказали мне немедленно открыть чемоданы. Когда я открыл два, каркас и мотор. Мне стало жарко, и я сказал им, что должен спуститься вниз и

выпить, прежде чем открою ящик с оправкой - большой цилиндрической стальной трубой диаметром шесть дюймов и длиной четыре с половиной дюйма. Они отказались, но я настоял на своем, и в сопровождении офицера и солдат Iwo спустился в салун. Это была самая веселая выпивка в моей жизни. Когда я сунул руку в карман за деньгами, они решили, что я ищущу оружие, и чуть не разорвали меня штыками. Затем я получил свою порцию и, пожелав офицеру «доброго здоровья», выпил немного и зажег сигару. К этому времени другой офицер, очевидно, забеспокоился и спустился вниз, чтобы убедиться, что я в полной безопасности. Затем я вернулся на палубу и открыл футляр, в котором находилась оправка. Когда полицейские и военные увидели ее, они невольно отпрянули, как будто это была внутренняя машина. Увидев забавное выражение на моем лице, они верну-

ли себе русскую угрюмость и начали осторожно разглядывать устройство. Ни один из этих людей не имел ни малейшего представления о записывающей машине или о том, как она может выглядеть, и я был временно арестован до прибытия губернатора города. К этому времени я и мой переводчик были почти в истерике от того, как одурачили этих русских.

Никому не разрешили высадиться, и прошло три часа, прежде чем прибыл губернатор. Он был интеллигентным человеком и говорил по-английски. Он проигнорировал все недоброжелательные подозрения своих офицеров (возможно, он видел мое веселое выражение лица), подошел ко мне и вежливо спросил по-английски: «Не могли бы вы объяснить, какая у вас здесь машина». Я объяснил, он сразу понял и, извинившись за то, что задержал меня, сказал: «У нас были большие проблемы с пулеметчиками,

и нас пытались обмануть на каждом шагу; поэтому мои люди склонны с недоверием относиться к объяснениям практически любого типа машин».

Меня пригласили пообедать с ним, на что я с радостью согласился, так как впоследствии обнаружил, что в Красноводске нет ни гостиничного ресторана, ни какого-либо другого места, где можно было бы поесть, кроме привокзального буфета, где можно было получить горячее пиво, старые яблоки и черствый окорок.

(Продолжение следует в следующем месяце.)

https://archive.org/details/talkingmachinewoo09bill/page/n407/mode/2up

(from: The Talking Machine World, Vol.9, No 7, of 15 July 1913 pp.64-65)

раздо более серьезным, так как меня посадили в камеру и узнали, что меня обвиняют в шпионаже, и арестовали на месте преступления, когда я фотографировал укрепления и линии русских войск на границе. Я также узнал, что за мной следили с момента инцидента [с] кометой. Мой фотоаппарат конфисковали, а пленки проявили, две из них были с художниками, а три — с местными видами — одна отеля, главная улица и последняя [с Гималайскими горами]. Печать пленок заняла два дня, и, несмотря на многочисленные угрозы и неоднократные заверения в моей невиновности, меня держали в грязной камере два дня. Ночью второго дня меня отпустили с многочисленными извинениями. Оказалось, что они обыскали мои вещи в отеле и, не обнаружив ничего компрометирующего, были вынуждены отпустить меня. Начальник полиции также опасался, что я сообщу ближайшему консулу, и был щедр на свои извинения. Однако я так и не получил обратно свою камеру, пока не покинул город, а затем они послали в Бухару известие о моем прибытии туда, поскольку, когда я вышел из поезда, мою камеру снова конфисковали до моего отъезда. Однако мне удалось сделать несколько снимков старого города камерой нашего агента.

Фото 1. - Дервиш и мистер Нобль в Самарканде.

Дав небольшую взятку, я смог убедить чиновника в Бухаре не связываться с Самаркандом, чтобы конфисковать мою камеру, и таким образом мне удалось получить ряд интересных фотографий. Об артистах писать мало, их пение на самом деле было не пением, а кошачьими криками, плачем, воплями, удушьем, чем угодно, но уж точно не пением. Артисты в Туркестане всегда были старше пятидесяти, в то время как в Бухаре самому молодому артисту было семьдесят четыре, и из-за своей молодости он не был продавцом с точки зрения оратора. Самым популярным артистам было от восьмидесяти до девяноста лет. Представьте себе бедного записывающего, пытающегося сделать запись удушья старика девяносто лет, достаточно громкой, чтобы быть коммерческой.

В туре я записал 951 произведение. Стоимость тура, включая расходы на дорогу, личные расходы, гонорары артистов, фрахт — фактически, все

деньги, потраченные на запись — составила чуть меньше 15 000 долларов. Гонорары артистов в этой части мира еще не раздулись до такой степени, как в Европе и Америке. Казачьи хоры ехали два дня во Владикавказ, ночевали в городе и два дня возвращались обратно за сумму 50 долларов — за двадцать четыре произведения, восемь человек,или шесть мужчин и женщина, последняя играла на фисгармонии в качестве единственного аккомпанемента.

В то время как в Мерве и Самарканде мы обеспечили артистов за шесть долларов за четыре песни. Такие деньги для казаков гор и текинцев Мерва огромны, поскольку они, как известно, живут на эквивалент шести долларов в год.

В то же время следует упомянуть, что два персидских артиста стоили эквивалент семидесяти пяти долларов за песню. Czart в Бухаре обошелся нам в шестьсот долларов за десять названий. Эти и два других были единственными исключениями, остальные были очень дешевыми.

Теперь я расскажу о своем индийском туре со всех сторон. Перед самым отъездом из Калькутты в Мадрас я получил следующее письмо, которое, очевидно, было написано с помощью писца, от моего мальчика:

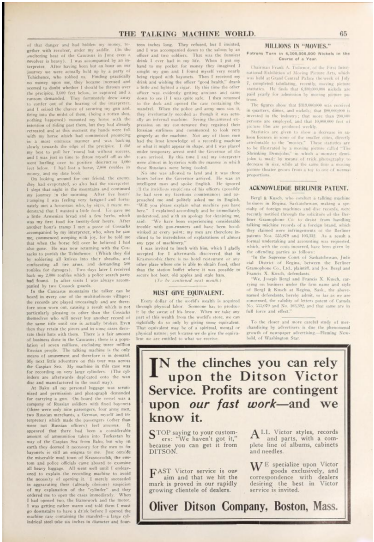
Уважаемый сэр:-я почтительно прошу сообщить Вашей чести, чтобы Ваше любезное уведомление было до Вашего благоприятного рассмотрения. Сэр, я почтительно прошу сообщить Вашей чести, что у Вас нет времени говорить со мной, поэтому я сообщаю Вашей чести посредством заявления, что Вы должны как можно скорее покинуть Калькутту; поэтому я хотел узнать от вашей чести о моей зарплате и о моей теплой одежде, если ваша честь захочет нанять меня для sup country, вам придется заплатить мне десять рупий за фермерскую одежду и восемь анн за еду и вернуться в МОЮ Калькутту.»

Это наше общее правило в Thos. Cook и сын, если ваша честь мне не верите, вы можете потребовать в Thos. Cook сами. Я имею честь быть сэром, самым покорным слугой вашей чести.

(Грустно) МУКБИЛ ХАССАИМ.

Он просил денег на покупку теплой одежды, если я намеревался отправиться в путешествие по Северной Индии (где очень холодно для южного парня), восемь анн в день на еду и пропитание сверх его стипендии, которая составляла тридцать рупий в месяц (для него это большие деньги, учитывая, что это стоит всего две или четыре анны в день на все, что он хочет, даже с учетом расточительности). Он носит очень мало одежды, и он также может получать определенную комиссию от торговцев, когда он покупает для вас товары. Этот мальчик был моим третьим. Первого мне пришлось отослать из-за принадлежности к касте, которая не позволяла ему убирать то, что я мог нечаянно пролить. Мой второй мальчик, как я впоследствии узнал, был джайном. В этом каста, убивать насекомое или любое живое существо, будь то вставка, микроб или животное, противоречит их религии. Однажды я заметил маленькое зеленое насекомое, ползущее по стене моей комнаты, и приказал мальчику убить его (в это время я одевался к ужину). К моему удивлению, он преклонил колени в мольбе и сказал мне, что он джайн и не может убить ни одно живое существо. Я сказал ему позвать мальчика из отеля, что он и сделал, а затем я отпустил его. У меня были смутные представления о том, что я где-то в глуши Индии с мальчиком, который не убьет животное или не подберет птиц во время охоты, или подвергнется нападению какого-то животного, и мальчик будет смотреть и молиться, вместо того чтобы убивать.

Однако этот третий мальчик, хотя у него было много каст (то, что я называю изъянами), был тактичен с ним; и если я просил его выполнить какую-либо задачу, которая не имела отношения к его религии, он говорил: «Да, сэр, я сделаю это немедленно», и, выходя на улицу, заставлял одного из служащих отеля другой касты выполнить необходимое действие. Станным примером кастовых особенностей было следующее: Компания в Индии однажды отправила нескольких человек с циркулярами, которые должны были быть доставлены местному населению Калькутты (почти миллиону). Однако было обнаружено, что один человек на одной или двух улицах просто бросил пачку циркуляров в верхней части улицы и в такой заметной части и с очевид-

Мое следующее приключение было в Мерве на русской туркестанско-афганской границе. Это было в период возвращения кометы Галлея (*март-апрель 1910 года). Я находился в положении, откуда открывался самый близкий и прекрасный вид, а именно, на центр Центральной Азии. Я вышел в два часа ночи, как и ожидалось, но был немного разочарован, не увидев его, как я думал, когда ко мне внезапно подошел часовой и спросил, почему я иду в его сторону. Когда я ответил: «Я пытаюсь найти комету», он улыбнулся — как и я сам, услышав такой нелепый ответ, — но, указывая на дорогу, по которой я пришел, он сказал: «Вот хвост кометы, такой же

явный, как и я перед вами, сдайте свой паспорт». Я ответил, что мой паспорт в отеле, который он с радостью принял и пригласил меня явиться утром в дом начальника полиции. Не бойтесь убежать или покинуть город, так как разрешение должно быть выдано полицией, и, кроме того, я был единственным иностранцем в городе, за исключением французского астронома, который приехал, чтобы сфотографировать комету. Утром я удовлетворительно объяснил свое странствие и был прощен. Хвост кометы был настолько огромным в Мерве, что его чудовищность была причиной того, что я не понял, что это на самом деле комета. Вернувшись в конюшню, ко-

торую они называли «Отель Европа» в Мерве, я встретил астронома, который указал мне на огромную вспышку света. Свет, который я видел раньше, но по своей глупости вообразил, что это отражение от станции Мерв, поднимающееся в ночь, и теперь вспомнил, что такой свет не мог исходить от станции, где были только масляные лампы. Позже комета появилась в небе, и она была прекрасной и ясной, с ослепительным хвостом. Я видел ее каждую ночь в течение трех недель.

Через два дня после инцидента с кометой меня арестовали, когда я делал или пытался сделать снимок Гималайских гор, которые можно было увидеть вдалеке. Этот арест был го-

ной осторожностью, что было проведено расследование, и двенадцать человек спросили, кто из них таким образом выбросил циркуляры. Один человек немедленно вышел вперед и объяснил, что он, будучи брахманом (высшая каста в Индии), не должен доставлять циркуляры к дверям таких низших каст, как там он упомянул одну или две из низших каст), но он заверил нас, что циркуляры все равно будут собраны. Более того, они были собраны. Низшие касты ценят высший класс брахмана, и будь он циркулярным человеком или миллионером, его уважают одинаково. Каста имеет так много разновидностей и обычаев, что я не буду пытаться останавливаться на них, а приведу еще один случай касты и религии, который мне встретился в стране с почти тремястами миллионами коренных

У индусов сжигание тел является обрядом, и его могут наблюдать все желающие, за исключением женщин, которым это запрещено. В одном из таких мест (будем называть их крематориями) белому человеку противно слышать, как родственники торгуются с властями за дрова для сжигания. Можно купить один шиллинг, чтобы сжечь бедного индийца, или 500 фунтов за богатого; последнее обычно сжигают лучшими атласными дровами.

Парсийский обычай, которому следуют и который в основном соблюдают в Бомбее, уникален. Они не оскверняют стихии, огонь, воду и воздух. Поэтому у них есть большие башни, называемые «Башни молчания», которые лучше всего описать как большую сетку, окруженную вы-

жителей. В Мадрасе я стал свидетелем похорон одного махрата. Мое внимание привлек веселый звон металлических инструментов, колокольчиков и тум-тумов, громкий смех и пение. Я заметил, как ко мне приближается небольшая процессия мужчин, которые казались более или менее пьяными. В центре толпы было то, что казалось большой коробкой с цветами, но на ее более близком расстоянии на самом деле была мертвая фигура человека, непокрытая, сидящая прямо в гробу или коробке с цветами. Это был обычай касты хоронить своих мертвецов. таким образом — старики сидят прямо, молодые люди лежат Покрытые цветами, женщины как можно более бесцеремонны. Однако, это почти всеобщий обычай по всей Индии — присутствовать на похоронах индийца с большим весельем, песнями, музыкой

и, по сути, хорошо проводить время. Прогуливаясь однажды ночью по туземному кварталу, ближайшему к моему отелю, я был привлечен громким барабанным боем и голосами мужчин. Я заметил на первом этаже одного из домов группу из восьми или девяти мужчин, сидящих в кругу, все держат и бьют в барабаны. Они также пели и качали головами взад и вперед в регулярном ритме песнопения. Я узнал, что они пели о вступлении друга, который только что умер, на Небеса.

(из: Talking Machine World Vol. 9, No. 8 от 15 августа 1913 г., стр. 48-49)

<https://archive.org/details/talkingmachinewoo09bill/page/n279/mode/2up>

По дороге в Бомбей я встретил человека, который не разговаривал шестнадцать лет. В другой части около Пуны я увидел человека, висящего головой вниз на дереве. У него была привычка проделывать это крайне идиотское представление каждый день в течение часа. В Бомбее одним из художников был человек, который добровольно лишился возможности пользоваться одной рукой, не пытаясь использовать или поднять ее в течение дюжины лет.

Есть несколько фанатичных аскетов, которые никогда не покидают берега священной реки Ганг. Если река поднимается (это часто случается), он позволяет себе утонуть, веря в свою слепую веру, что вода была послана для него, чтобы он попал на небеса.

Я посетил Бенарес (священный город), чтобы записать нескольких священников, но храмы и мечети были в таком отвратительном окружении, что я покинул их после двухчасового пребывания!!

Было удивительно видеть в Бухаре и Туркестане людей, пьющих ту же воду, в которой они моются, но здесь, в Бенаресе, на берегах Ганга, сцены еще более отвратительны. Мужчины, женщины и дети всех каст, болезней и возрастов купаются, моются, стирают одежду, туземцы, которым удаляют зубы, отхаркивают, парикмахеры выплевывают свою пену — короче говоря, река используется для всевозможных целей. В одной части туземцы пьют воду, которая, очевидно, содержит отбросы тел других туземцев. В то же время мошки заняты сжиганием тел индусов, в то время как в других частях мертвые тела сбрасываются в реку. Приехав записывать голоса, а не «запахи», можно понять, что я не задержался надолго. Тошнотворное зрелище горящих тел, тлетворные испарения, поднимающиеся от грязи реки, незабываемое зловоние от многочисленных туземцев под жарким августовским индийским солнцем, смешанное с грязью, которой были забрызганы берега от многочисленных животных, включая священных коров, — все это было непостижимо ужасно и несравненно отвратительно. Когда я читаю о страшном количестве смертей от чумы и холеры, я не удивляюсь, но поражаюсь тому, что Число не сильно увеличилось. Британские власти делают все возможное (с осторожным тактом и дипломатией,

чтобы не усугублять суеверные религиозные чувства и обычаи туземцев), чтобы санировать окрестности, но попытка очистить всю территорию и таким образом очистить окрестности была бы приглашением к новому мятежу. Когда понимаешь, что в Индии существует сто пятьдесят различных языков и каст, двести девяносто миллионов человек, работа и организация порстки британцев могут быть лучше поняты и оценены.

В Индии я записал 850 названий. Стоимость всех расходов, включая личные расходы, составила около 17 000 долларов. Стоимость записи была значительно выше, чем в Туркестане, это было обусловлено большим населением, популярностью артистов и соответствующим ростом гонораров.

В Европе, за пределами России, я не столкнулся ни с какими необычными инцидентами. В России же у меня часто были проблемы с полицией и в каждом случае из-за паспортов.

В Европе я записал на многочисленных языках 2790 наименований, стоимость которых, поскольку она столь различна, что ее трудно точно определить, но, взяв небольшие гонорары с большими, я должен сказать, что только гонорары артистов обошлись в 82 000 долларов. Оркестры и аккомпанемент обошлись еще в 14 000 долларов. В Европе необходимо платить всевозможные цены, от 5 до 1000 долларов за наименование. Чтобы записать 4600 наименований, станет ясно, какие колоссальные расходы потребуются, чего обычно не понимают и, если на то пошло, не верят многие специалисты по говорящим машинам. За три года, о которых я говорю, я использовал или имел дело с 13 000 с лишним восками, включая испорченные основные записи (для производства) и те, которые использовались для испытаний. Воски были упакованы в большие ящики, в каждом из которых было всего двадцать четыре, и все они были отправлены из Парижа. Таким образом, можно представить себе сумму, потраченную только на перевозку, каждый ящик весил полтора центнера. Я встречался, торговался, вел публичные речи с разнородной толпой из 14 000 человек и неисчислимых языков, при этом фактически записывая 11 000 артистов. Проехал для оратора более 53 000 миль. Мои диафрагмы прорезали 472 мили звуковых волн. Стоимость

4600 пластинок и все расходы, связанные с этим, обошлись компании в 123 000 долларов. Чтобы слушать их непрерывно по четыре часа каждый день и прослушать каждую пластинку, потребовался бы целый год и восемь недель. Количество проданных пластинок этих названий достигло бы цифры (для объединенных стран) более 11 000 000, и они все равно будут продаваться. Эти цифры никоим образом не сравнятся в среднем и национальном сравнении популярности говорящий с Соединенными Штатами. Если бы все страны Европы и Азии были так же увлечены и воодушевлены говорящей машиной, как Америка, то продажи достигли бы к этому времени отметки в двадцать миллионов.

Однако я оптимистично настроен, что Россия в конечном итоге пре-взойдет Соединенные Штаты по количеству ежегодно продаваемых пластинок. В настоящее время население России находится в состоянии эмансипации, которое медленно, но верно прогрессирует. Музыкальное население составляет около двухсот миллионов. Подавляющее большинство в настоящее время неграмотно, и все же годовые продажи объединенных говорящих компаний достигают любого числа более десяти миллионов в год. В России все еще есть место (и достаточно) для говорящих. Особенно с записью телефонной записи, на которую Pathé Frères имела монополию, но которая крайне ненадежна. Достаточно ознакомиться с консульскими отчетами, чтобы узнать о грядущем буме в России для всех видов торговли и профессий, и после трехлетнего опыта я могу подтвердить заявления многочисленных консулов и подчеркнуть возможность. что ждет говоруна в России.

Текущий бизнес в России огромен, и Gramophone Co. из Лондона является первым, с огромным выпуском, с компаниями Pathéphone и Sirena на втором и третьем месте.

В Индии так много атмосферных трудностей, множество каст, требующих печати и каталогизации бесчисленных языков, что бизнес сложен и сравнительно мал.

Даже здесь есть место для говорунов, особенно для коммерсантов, которые готовы основательно вникнуть в почти непреодолимые трудности страны и народа. Все нынешние

компании довольствуются тем, что еле еле движутся вперед, просто обеспечивая равновесие на правильной стороне. Существует много путей и средств расширения бизнеса в Индии, но большинство организаторов неосознанно дрейфуют в русло (после двух или трех лет) инициативной левтаргии. Страна также неизменно разделена на два больших округа с двумя управляющими, тогда как место есть, и, по сути, крайне важно иметь по крайней мере полдюжины человек с соответствующими группами провинций. Необходимо иметь в виду, что в Индии проживает около 306 000 000 человек.

В Туркестане мало бизнеса, и он прочно удерживается компанией Gramophone.

Я находил говорящего в каждом углу, куда бы я ни заходил, но в самых странных углах не было цилиндров, только диски. Цилиндровый бизнес мертв или умирает в Англии, Фран-

ции, Германии, России и всех странах Востока.

В своих странствиях я часто наткался на другие записывающие устройства, и в одном случае так совпало, что первый записывающий устройство Gramophone Co. Фред Гайсберг из Соединенных Штатов сопровождал меня из Варшавы в Москву, Санкт-Петербург и обратно в Варшаву, а затем в Берлин. Излишне говорить, что мы братались. Думаю, он путешествовал по два на каждую милю моего пути. В Берлине я встретил Билла Хейза из Edison, человека, который первым научил меня искусству записи.

Я искренне хочу записывать в Соединенных Штатах, и если я это сделаю, возможно, редактор предоставит мне место, чтобы написать мое скромное мнение об американских артистах по сравнению с артистами других национальностей.

Я завершаю свои статьи, маша ру-

кой через море тому великому американцу, который своим изобретением сделал возможным мой опыт и чье имя в Европе так почитается.

(из: Talking Machine World Vol. 9, No. 9 от 15 сентября 1913 г., стр. 52)

<https://archive.org/details/talkingmachinewo009bill/page/n523/mode/2up>

Фото 1. - Персидские татары, Тифлис.

Фото 2. -Переводчик и мистер Нобль пьют чай а-ля Царт.

Текст был вычитан и все явные ляпы машинного перевода откорректированы, но что-то я мог и просмотреть. Пишите предложения в виде комментариев или в личку, если обнаружите недостающий материал или проблемные места.

52

THE TALKING MACHINE WORLD.

THREE YEARS' RECORDING TRIP IN EUROPE AND ASIA
Many Interesting Incidents and Impressions Set Forth in Greatest Recording Expedition
Ever Made—Oriental Artists Hitherto Unknown Introduced to People of this World.
By T. J. THEOBALD NOBLE, a Prominent European Talking Machine Recorder.

(continues from last month.)

Amongst the Hindus the burning of the bodies is the rite, and can be viewed by all who desire with the exception of women who are not allowed. At one of these, (we will call them crematoriums) it is revolting to a white to hear the relatives bargaining with the authorities over the wood for the burning. It is possible to buy one shilling's worth to burn a poor Indian or £200 for a native, the latter is usually buried with the finest satin wood. The Parsi custom which is followed and carried out principally in Bombay is unique. They will not deile the elements, fire, water and air. They, therefore, have large towers termed "Towers of Silence," which is best described as a large grid surrounded by a high circular wall. Onto this grid the Parsi priests place the bodies of the dead, after which they clap their hands as a signal to the vultures, who are consistently perched on the periphery to commence their task. A body is in this way consumed and the bones only remain, in less than half an hour. The skeleton dries in the sun and the rain carries the dust away by means of a large drain which is in the center of the grid. The whole thing may appear particularly nauseous to the average white, but it is nevertheless extremely—I might say—scrupulously clean. No one is permitted to view the consuming of the flesh by the evil-looking vultures. The only disconcerting part of the whole procedure is that on divers occasions the vultures are known to drop a finger or ear onto the roads in the approximate vicinity.

The eight, ten, of the vultures sitting in a position of ardent expectancy on the towers, waiting for the next signal to devour their "human meal," is, to say the least, a most sickening perspective.

I encountered many instances of asceticism during the tour. In Bangalore a man—a Maharatta—had sat in one position in the road for five years. He was paralyzed, but continued to sit on. Food was brought him by numerous native Samaritans who also washed and cared for him—a strange sight indeed to the average white.

En route to Bombay I met a man who had not spoken for sixteen years.

In another part near Poona I saw a man hanging head downwards from a tree. He was in the habit of doing this extremely idiotic performance every day for over an hour. In Bombay one of the artists was a man who had voluntarily lost the use of one arm, not having attempted to use or lift it for a dozen years.

There are several fanatical ascetics who never leave the banks of the sacred river Ganges. Should the river rise (it often does) he allows himself to drown, believing in his pious faith, that the water was sent for him to enter Heaven.

I visited Benares (the sacred town) to record several priests, and the temples and mosques were in such disgusting surroundings I left after a stay of two hours!!

It was amazing in Bokhara and Turkestan to see the people drinking the same water that they wash in, but here in Benares on the banks of the Ganges the scenes are even more revolting. Men, women and children of all castes, diseases and ages, bathe, wash, wash clothes, natives having teeth extracted, expatriate, barbers empty their father—in short, the river is used for every possible purpose. In one part the natives are drinking the water which obviously contains the decay of other natives' bodies. At the same time the gnats are busy burning the bodies of Hindus, whilst in other parts dead bodies are being thrown in the river. Having arrived to record twice not "useful," it can be understood I did not stay long. The sickening sight of the burning bodies, the pestilential vapors arising from the filth of the river, the unforgettable stench from the multitudinous natives under a hot August Indian sun,

intermingled with the filth which bespattered the banks from the numerous animals, including the sacred cows, was all incomprehensibly horrible and incomparably disgusting. When I read of the fearful number of fatalities through plague and cholera, I am not surprised, but am amazed that the number is not greatly multiplied. The British authorities do their utmost (with careful tact and diplomacy not to aggravate the superstitious religious feelings and customs of the natives) to sanitize the surroundings, but to attempt to clear the whole area and thus cleanse the city would be inviting another mutiny. When one realizes that there are one hundred and fifty different languages and castes in India, two hundred and ninety millions of people, the work and organization of the handful of British can be better understood and appreciated.

In India I had recorded 850 titles. The cost of all expenses, including personal expenses, was approximately \$17,000. The cost per record being considerably higher than in Turkestan, this being through the greater population, the popularity of the artists, with a corresponding increase of fees.

In Europe, outside Russia, I met with no unusual incidents. In Russia, on the other hand, I was often in trouble with the police and in every case over passports.

In Europe I had recorded in the numerous languages 2700 titles, the cost of which being so varied it is difficult to state definitely, but taking the small fees with the large, I should say the records had cost for artists' fees alone \$80,000. The bands and accompaniments another \$14,000. In Europe it is necessary to pay all sorts of prices, from \$5 to a \$1,000 per title. To record 1,000

titles it will be seen what tremendous expense is entailed, which is not generally understood, or for that matter believed, by many talking machine men. I had used or handled during the three years I refer to 35,000 odd waxes, including master records (for manufacturers) spoiled, and those used for trials. The waxes were packed in large cases, each containing but twenty-four, and all were sent from Paris. The amount, therefore,

spent in freight alone can be imagined, each case weighing one and a half hundredweight. I had met, bargained, barangued with a heterogeneous crowd of fully 14,000 persons, and innumerable languages, whilst actually recording 11,000 artists. Traveled for the talker over 55,000 miles. My diaphragms had cut 412 miles of sound waves. The cost of the 4,000 records and all expenses appertaining to same had cost the company \$125,000. To listen for four hours continuously every day and go through every record would occupy one whole year and eight weeks. The amount of records sold of these titles would reach a figure (for the combined countries) of well over 112,000,000 and they will still sell. These figures in no way compare in average and national comparison of popularity of the talker with the United States. If all the countries of Europe and Asia were as keen and as enthusiastic over the talking machine as America the sale would have reached nearer the twenty million mark by this.

I am, however, sanguine that Russia will eventually send the United States as regards the number of records sold yearly. At present the population of Russia is in a state of emancipation, which is slowly but surely making progress. There is a musical population of something like two hundred millions. The great majority are at present illiterate and still the yearly sales of the combined talking companies reach any number over ten millions per year.

There is still room (and ample, at that) for talkers in Russia, especially with the phonograph record, which Pathe Freres held a monopoly on, even which is extremely flimsy. One only has to consult the consular reports to learn the coming boom in Russia for all trades and professions, and after three years' experience, I can corroborate the statements of the numerous consuls and emphasize the opportunity that awaits the talker in Russia.

The present business in Russia is tremendous and the Gramophone Co. of London is the first, with an enormous output, with the Pathophone and Sirena companies second and third.

In India there are so many atmospheric difficulties, scores of castes, necessitating the printing and catalog of innumerable languages, that business is intricate and comparatively small.

Even here there is room for talkers especially for commercial men who are willing to thoroughly enter into the almost insuperable difficulties of the country and people. All the present companies are content to jog along just securing a balance on the right side. There are many ways and means of increasing business in India, but the majority of the organizers unconsciously drift into a channel (after two or three years) of initiative lethargy. The country is also invariably divided into two large districts with two managers, whereas there is room and, in fact, it is imperative to have at least a half-dozen men with respective bunches of provinces. It must be borne in mind that there is in India a population of nearly 300,000,000.

Of Turkestan there is little business and that is firmly held by the Gramophone Co.

I found the talker in every corner I visited, but in the oldest corners no cylinders, all discs. The cylinder business is dead or dying in England, France, Germany, Russia and all Eastern countries.

I often chanced across other recorders in my peregrinations and in one case the coincidence happened that the Gramophone Co.'s first recorder, Fred Gaisberg, of the United States, accompanied me round from Warsaw to Moscow, St. Petersburg and back to Warsaw, afterwards to Berlin. Needless to add we fraternized. I think he had traveled two to every one mile of mine. In Berlin I met Bill Hayes, of the Edison, the man who first taught me the art of recording.

It is my earnest desire to record in the United States and should I do so, perhaps the editor will allow me the space to write my humble opinion of the American artists as compared with the artists of other nationalities.

I conclude my article waving my hand across the sea to that great American who, through his invention, made my experience possible and whose name in Europe is so honored.

Persian Tartars. Tiflis.

Interpreter and Mr. Noble Taking Tea a la Cart.